

ДѢЛО О СОЖЖЕННЫХЪ ТРОФЕЯХЪ.

(Снизодъ изъ исторіи русско-финляндской войны 1808—1809 гг.—По даннымъ архива Генераль-Аудиторіата).

Зимняя кампанія 1809 года, ознаменованная героическимъ походомъ отряда Барклай-де-Толли въ Швецію по льду Ботническаго залива, вдругъ пріостановилась непонятнымъ аландскимъ перемиріемъ—на югѣ и каликской конвенціей на сѣверѣ. Недовольный этими послѣдними событіями, императоръ Александръ I самъ прибылъ къ арміи въ Або, замѣнилъ Штейнгеля на посту главнокомандующаго Барклаемъ-де-Толли, прервалъ перемирія, установленныя въ Каликсѣ и на Аландѣ, и, воспретивъ вступать въ какія либо переговоры съ непріятелемъ, возобновилъ военныя дѣйствія, ставя ихъ задачею перенесеніе войны изъ Финляндіи въ Швецію. Оберегая завоеванную страну, Барклай-де-Толли долженъ былъ энергично наступать до Умео, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, угрожать и центральной Швеціи; графъ Шуваловъ, стоявшій съ своими войсками въ Торнео, послѣ сдачи ему Гринпенберга двинуть былъ въ половинѣ апрѣля на югъ по западному берегу Ботническаго залива для занятія Вестерботніи; Аландскіе острова были заняты сильнымъ отрядомъ, а для обороны финскихъ береговъ собрана была у Або гребная флотилія... Подъ прикрытіемъ послѣдней долженствовала совершиться перевозка нашихъ войскъ черезъ Кваркенъ изъ Вазы въ Умео, на усиленіе отряда Шувалова. Для этого въ Вазѣ и Улеаборгѣ строились транспорты... Но дѣло шло плохо. Плохо работа-

ли надъ постройкой судовъ для русскихъ войскъ финляндцы, конечно не сочувствовавшіе готовившемуся разгрому Швеціи; плохо содѣйствовали этому дѣлу своими распоряженіями мѣстныхъ власти съ новымъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ Сирентпорте-номъ во главѣ, по пожалуй хуже всѣхъ дѣлалъ свое дѣло нашъ морской департаментъ. Онъ не высылалъ для строящихся транспортъ ни морскихъ командъ, ни такелажа, ни парусовъ, ника-кихъ матеріаловъ. Барклай-де-Толли ждался на него Импе-ратору, но и это мало помогало дѣлу. Присланъ былъ, правда, для защиты плаванія по Кваркену 36-ти пушечный фрегатъ «Богояв-леніе», но благоприятное время для безопасной перевозки войскъ, когда въ Кваркенѣ не показывались еще шведскія суда, было упу-щено: тамъ уже въ маѣ собралось четыре шведскихъ фрегата и от-рядъ гребной флотиліи, которые и обрекли наше единственное судно на бездѣйствіе. Въ самомъ же началѣ кампаніи «Богоявле-ніе» наткнулось у шведскихъ береговъ на два непріятельскихъ 48-ми пушечныхъ фрегата и, избѣгая неравнаго боя, стало уходить въ Вазу. Шведскія суда его преслѣдовали, и въ артилерійскомъ бою нашъ фрегатъ получилъ значительныя поврежденія своего рангоута и такелажа. — «Это была, говорить нашъ историкъ, Ординъ, един-ственная въ 1809 году встрѣча шведскихъ и русскихъ большихъ судовъ. Тѣмъ легче было непріятелю прехватывать транспортныя суда послѣднихъ, что причиняло намъ неисчислимыя затрудненія. Вообще, замѣчаетъ Ординъ, русскій флотъ въ эту кампанію какъ бы не существовалъ. Корабельный флотъ бездѣйствовалъ, блоки-руемый въ Финскомъ заливѣ многочисленной англійской эскадрой, пришедшей на помощь шведамъ»...¹⁾ Въ результатѣ посылка под-крѣпленій отряду гр. Шувалова не состоялась вовсе: уже въ концѣ іюня 1809 года Барклай-де-Толли доложилъ Государю, что вазас-кая флотилія въ самомъ благоприятномъ случаѣ можетъ выйти въ море лишь въ іюль, а изготовленія улеборгской флотиліи нельзя ждать и къ концу лѣта.

Иллюстраціей такой вялости, медлительности и пераспоряди-тельности морского начальства и бездѣйствія нашего флота можетъ служить также дѣло роченсальскаго коменданта, ген.-майора Гав-ро и командира роченсальскаго порта контръ-адмирала Смирнова, найденное нами въ архивѣ генераль-аудиторіата и касающееся не-

известнаго еще, кажется, въ нашей исторической литературѣ объ этой войнѣ эпизода о сожженіи шведами нашего судна, везшаго на-ши военные трофеи, — оружіе, взятое у шведовъ.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ.

По приказанію находившагося при арміи въ Финляндіи воен-наго министра Аракчеева отпавлено было, съ открытіемъ навига-ціи, изъ Або въ Петербургъ на наемномъ купческомъ суднѣ «при-обрѣтенное войною шведское оружіе».

Такъ какъ съ появленіемъ въ морѣ шведскихъ и англійскихъ судовъ плаваніе его было не безопасно, то Аракчеевъ же, проѣз-жая 10-го іюля 1809 года, Кюменъ-городъ, приказалъ роченсальм-скому коменданту, ген.-м. Гавро задержать это судно по прибытіи его въ роченсальмскій портъ «для обезпеченія отъ непріятельскихъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи его нападений». Однако 11-го іюля это судно вышло изъ Роченсальма, а на другой день, 12-го числа близъ острова Корсаль-Э оно было захвачено непріятелемъ и сож-жено.

Стали, конечно искать виновника нарушенія аракчеевскаго при-казанія «слѣдствіемъ коего означенное судно, прибывъ въ Рочен-сальмъ, благополучно оставалось бы отъ потери погруженнаго на-немъ оружія въ безопасности».

Такимъ могъ быть или роченсальмскій комендантъ, ген.-м. Гавро, не сообщавшій приказанія Аракчеева коменданту рочен-сальмскаго порта контръ-адмиралу Смирнову, или этотъ послѣдній, не исполнившій такового.

На запросъ департамента военнаго министра, ген. Гавро от-вѣтилъ, что «данное ему отъ военнаго министра повелѣніе объ остановленіи въ роченсальмскомъ портѣ упомятаго судна отъ не-го, Гавро, объявлено было контръ-адмиралу Смирнову 30-го іюля 10-го числа». А Смирновъ, въ свою очередь, допелъ государ-ственной адмиралтействъ-коллегіи, что онъ ни письменнаго, ни словеснаго извѣщенія о томъ, чтобы означенное съ орудіемъ суд-но остановить въ Роченсальмѣ ни отъ кого не получалъ, и ген.-м. Гавро не только лично 10-го іюля у него не былъ, но и отношенія о приказаніи военнаго министра къ нему не присылалъ.

Разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ объясненіяхъ, «не мо-гущихъ сами собою удостовѣрить объ истинѣ сего происшествія безъ особливыхъ подтвержденій», поручено было Выборгскому военному губернатору — генералу отъ кавалеріи Обрескову. По указанію генераль-аудиторіата ему надлежало выяснять чрезъ до-

¹⁾ К. Ординъ. — «Покореніе Финляндіи», изд. 1839 г. т. I, стр. 429—430.

прось ген.-м. Гавро: «какимъ образомъ повелѣніе военнаго министра объявлено отъ него контръ-адмиралу Смирнову, письменно или самимъ лично, буде же чрезъ письменное отношеніе, то съ кѣмъ оно было послано и кому вручено; а ежели объявлено самимъ имъ, Гавро, то въ какомъ мѣстѣ и кто именно подтвердитъ о томъ можетъ?» Отъ к.-адм. Смирнова Обресковъ долженъ былъ потребовать, «какіе имѣеть онъ доказательства въ оправданіе свое, что отъ генераль-майора Гавро 10-го іюля никакимъ средствомъ не получалъ отъ извѣщенія о вышесозначенномъ повелѣніи».

Обресковъ лично выѣхалъ въ Роченсальмъ и устроилъ очную ставку обоимъ обвиняемымъ.

Гавро «отозвался, что, получа приказаніе бывшаго военнаго министра объ удержаніи того судна на Роченсальмскомъ рейдѣ, 10-го числа іюля, по возвращеніи изъ Кюмпеской крѣпости *тотчасъ лично* объявилъ оно Смирнову, который въ то же время обѣщаль послать повелѣніе о невыпускѣ того судна». Но Смирновъ и на очной ставкѣ все это отрицалъ, — «я оба настаивалъ въ томъ: первый — что объявлялъ, а послѣдній — что приказанія не получалъ». — «Несмотря на то, замѣчаетъ Обресковъ въ рапортѣ своемъ генераль-аудиториату, что оба они (Гавро и Смирновъ) находились въ одномъ мѣстѣ и оба, имѣя одинаковую обязанность въ наблюденіи движеній непріятельскихъ и отраженіи его покушеній на берега наши, и хотя при случаяхъ, требовавшихъ скорого распоряженія, сносились между собою словесно и съ общаго совѣта дѣлали учрежденія за всѣмъ тѣмъ, вся ошибка Гавро, по мнѣнію Обрескова, состояла въ томъ, что послѣ предварительнаго словеснаго объявленія, вслѣдъ за тѣмъ не послалъ онъ къ Смирнову письменнаго увѣдомленія».

Итакъ, по мнѣнію Обрескова, бѣда произошла не отъ двоевластія сухопутнаго и морского начальства въ приморской крѣпости, а отъ недостаточной «взаимеларципы» въ ихъ сношеніяхъ между собою. Взглядъ этотъ продержался у насъ послѣ того дѣлный вѣкъ, и, будемъ надѣяться, палъ вмѣстѣ съ паденіемъ Портъ-Артура, гдѣ проявился особенно ярко и пагубно.

Какъ бы то ни было, «чтобы дойти до истины сего обстоятельства, не имѣющаго ни съ которой стороны посторонняго свидѣтельства, коимъ была бы доказана справедливость того или другого объясненія», остался Обрескову одинъ путь: «разсмотрѣть бывшія

тогда между ними (Гавро и Смирновымъ) переписки и слѣдить оныя съ настоящимъ въ то время положеніемъ дѣла».

Изъ переписки этой выяснилось:

13-го іюля ген. Гавро запросилъ адм. Смирнова — «почему объявленное ему приказаніе военнаго министра не выполнено», такъ какъ «отъ сего означенное судно у острова Корсаль-Э сожжено непріятелемъ».

— «Если бы Гавро, замѣчаетъ Обресковъ, запомнотвалъ объявить упомянуемое приказаніе и послѣ сего, въ оправданіе свое вздумалъ несправедливо послать такое отношеніе, когда уже судно сдѣлалось жертвою огня, то само собою разумѣется, что Смирновъ, получа оно и видя его несправедливость, возразилъ бы и имѣлъ бы право въ отзывѣ своемъ сказать на счетъ приказанія военнаго министра (что такового не получалъ), ибо ничего быть не можетъ оскорбительнѣе, какъ выводить обстоятельства, коихъ въ существѣ не было и кои, по важности своей, порицали генерала, управленію котораго вѣренъ портъ...» — «Но Смирновъ, продолжалъ разсуждать слѣдователь, — не говоря о семъ ни слова», увѣдомилъ только Гавро, что командиру того судна, подпоручику Рыбачову дано имъ 10-го іюля предписаніе плыть дальше, а были ли въ тотъ день по восточную сторону въ маломъ фарватерѣ непріятельскія суда, онъ, Смирновъ, свидѣній не имѣлъ, «а временемъ былъ свидущъ, что они находились у Аспо и Гогландъ».

Однако, по мнѣнію Обрескова, Смирновъ зналъ о присутствіи непріятеля не только у Аспо и Гогландъ, «но и близко къ берегамъ и въ шхерахъ»; такъ, 2-го еще іюля увѣдомилъ онъ генерала Гавро, что непріятельская эскадра держится на сѣверной сторонѣ Аспо, а 3-го числа по его же, Смирнова, распоряженію на стоянціи на Роченсальмскомъ рейдѣ суда (4 іюля, 2 канонерскихъ лодки и 1 корветъ) посажена была команда Роченсальмскаго гарнизоннаго полка, въ составѣ 1-го оберъ-офицера, 7-ми унтеръ-офицеровъ и 70-ти рядовыхъ; поводомъ къ этому распоряженію послужило сообщеніе прибывшихъ въ Роченсальмъ съ сигнальныхъ постовъ штурманскихъ учениковъ, что находившіеся въ Аспо два непріятельскихъ фрегата спустили нѣсколько грѣбныхъ судовъ для промѣра проходвъ между шхерами Фридрихсгама и Роченсальма.

И дѣйствительно, ночью на 4-е іюля непріятель подошелъ къ Монтеланскому посту на трехъ большихъ и пяти малыхъ лодкахъ,

сжегъ у острова Корсаль-Э купеческое судно, а у сел. Мойлапсъ забралъ хлѣбъ съ крестьянскихъ лавбъ. Посему Смирновъ, «по общему совѣту съ Гавро», для охраны роченсальмскаго порта вывелъ юлы и канонерскія лодки на рейдъ между Легмою и Куцель-Мудима.

5-го юля лейтенантъ Болотниковъ, командовавшій брандвахтеннымъ судномъ на Фридрихсгамскомъ рейдѣ—галетомъ «Чапуръ», въ виду занятій непріятелемъ всѣхъ шхеръ, отошелъ подъ защиту своей крѣпости, что сдѣлала затѣмъ и роченсальмская брандвахта, находившаяся подъ командою лейтенанта Карпова 1-го.

6-го юля непріятельскій флотъ показался у Питкопасскихъ острововъ, 8-го числа онъ былъ уже противъ сѣверной оконечности Торсари, а 9-го—«непріятельскія лодки дѣлали покушеніе противъ мыса Пуллинеми».

«10-го числа была перепалка съ непріятелемъ въ 6-ти верстахъ отъ Питкопасской пристани».

11-го числа непріятельскій флотъ, бывшій у Шейсари, отошелъ къ Коткѣ а 12-го, у острова Корсаль-Э, онъ попалъ на наши суда, нѣсколько взялъ въ плѣнъ, «а нагруженное ружьями сжегъ». «По всемъ вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, заключаетъ Обресковъ, к.-адм. Смирновъ не можетъ отрицать, чтобъ онъ не зналъ о движеніяхъ нашихъ, тѣмъ болѣе, что происшествія тѣ были болѣею частью около Роченсальма, на дистанціи 30-ти или не далѣе 35-ти верстъ». Поэтому онъ, Обресковъ, «паѣрное полагасть, что к.-адм. Смирновъ, припявъ приказаніе, переданное отъ Гавро, по какимъ либо стекшимся причинамъ запоматовалъ сдѣлать въ то же время распоряженіе, ибо, зная аккуратность Гавро, не можемъ никакъ повѣрить, чтобы, поухавъ изъ Кюмени единственно, чтобы предупредить выходъ судна, онъ не выполнилъ даннаго ему препорученія». — «Но сверхъ всякаго ожиданія, прибавлялъ Обресковъ, еслибъ Гавро и забылъ (выполнить это «препорученіе») съ прїѣздомъ въ Роченсальмъ, то невозможно (допустить), чтобъ не вспомнилъ до слѣдующаго дня, ибо судно пошло 11-го числа. А какъ имъ (Гавро) все препорученное было сдѣлано съ точностью, заключаетъ Обресковъ, то и не имѣлъ резона повторять, а особливо въ то время, когда безпрестанно непріятель плавалъ въ шхерахъ, то само собою разумѣлось, что начальникъ порта и безъ особливаго приказанія не долженъ былъ позволять никакимъ судамъ.

или проходящимъ транспортамъ, не имѣющимъ достаточнаго прикрытія, выходить изъ порта и подвергать себя видимой опасности».

Исходя изъ этихъ соображеній, Обресковъ усмотрѣлъ въ предписаніи Смирнова, данномъ имъ 11-го юля брандвахтенному начальнику, лейт. Карпову 1-му о задержаніи проходящихъ транспортовъ, — лишь «предосторожность», — сколько, съ одной стороны, для предупрежденія послѣдствій отъ плававшего повсюду непріятеля, столько же, уповательно, и потому, чтобы хотя уже послѣ (т. е. заднимъ числомъ) выполнить приказаніе военного министра».

Генераль-аудиторіатъ, однако, одними этими разсужденіями слѣдователя не удовлетворился и поручилъ ему истребовать отъ генераль-маіора Гавро объясненіе: «именно въ который часъ 10-го числа юля, возвратившись изъ Кюменской крѣпости, сдѣлать онъ утверждаемое имъ объявленіе о приказаніи военнаго министра», а отъ лейтенанта Карпова истребовать оригиналъ даннаго ему Смирновымъ 11-го юля предписанія—«для усмотрѣнія точнаго содержанія опаго».

Послѣднее было представлено прямо въ генераль-аудиторіатъ роченсальмскимъ комендантомъ, полковникомъ Зайцевымъ и глаголю:

— «Здѣшній комендантъ, генераль-маіоръ Гавро съ донесеніемъ ему 4-го Егерскаго полка маіора Кучинскаго сего числа меня увѣдомилъ, что 9-го сего юля прибыло въ Питкопассъ 25 канонерскихъ лодокъ, подъ командою флота капитана фонъ-Дезина и при нихъ 9 транспортныхъ судовъ, 10-го жъ числа, пополудни въ 8 часовъ, въ 6-ти верстахъ отъ Питкопасской пристани, на оставшіяся за противнымъ вѣтромъ три транспортныя судна и шесть канонерскихъ лодокъ наступило одно непріятельское судно и открыло огонь и что таковыхъ непріятельскихъ судовъ находится въ виду верстахъ въ 20-ти не малое число, а посему и предлагаю имѣть вамъ въ семь случаевъ крайнюю предосторожность, и дабы проходящіе мимо ввѣреннаго вамъ поста транспорты не были перехвачиваемы непріятелемъ, то оныхъ ни къ осту, ни къ весту не пропускать и для ввѣренной вамъ брандвахты имѣть пещрайную осторожность».

Въ отвѣтъ на это предписаніе, лейтенантъ Карповъ 1-й 13-го юля донесъ к. адм. Смирнову, что «стоявшій на Роченсальмскомъ

рейды прибывшій изъ Або ботъ № 5-й, на коемъ командиръ поручикъ Рыкачовъ, 11-го числа *по полуночи въ 10 часовъ*, со ввѣренными купеческими судами съ якоря снялся и пошелъ пихерами по восточную сторону и что какъ о не пропускѣ проходящихъ мимо ввѣреннаго ему поста транспортовъ повелѣніе отъ него, Смирнова, получено хотя того же числа, но *послѣ уже полудня въ 10 часовъ*, то по силѣ прежнихъ предписаніевъ къ удержанію тѣхъ судовъ приступить не могъ».

Отбывая теперь эту переписку, мы видимъ, во 1-хъ, что предписаніе командира роченсальмскаго порта, к.-адм. Смирнова отъ 11-го іюля 1809 года начальнику роченсальмской брандвахты не содержитъ никакого спеціальнаго распоряженія, касающагося судна съ оружіемъ и основаннаго на приказаніи военнаго министра, переданномъ черезъ коменданта крѣпости, а говорить вообще о прерваціи выпуска судовъ съ роченсальмскаго рейда, и во 2-хъ, что предписаніе это было получено брандвахтеннымъ начальникомъ двѣнадцать часовъ спустя послѣ ухода съ рейда бота № 5, кошоировавшаго купеческія суда, въ числѣ которыхъ было и судно съ трофеями.

Согласно съ этимъ, адм. Смирновъ и далъ свое объясненіе ген. Обрескову, — «что о задержаніи бота № 5 съ купеческими судами брандвахтенному командиру, флота лейтенанту Карпову онъ предписанія не дѣлалъ, а по уходѣ уже того бота, съ увѣдомленіемъ его *11-го іюля* комендантомъ о находившихся тогда въ виду отъ Пяткопаса непріятельскихъ судахъ, было Карпову предписано имѣть въ семь случаевъ крайнюю предосторожность и проходящіе мимо ввѣреннаго ему поста транспорты... ни къ Осту, ни къ Весту не пропускать».

Генераль Гавро стоялъ однако на своемъ и, на заданный ему вопросъ о времени объявленія имъ Смирнову приказанія графа Аракчеева, отвѣтилъ, что таковое было имъ объявлено Смирнову «въ то же время по возвращеніи его изъ Кюменогорской крѣпости, что было пополудни въ 4-мъ часу 10-го числа іюля, а какъ постороннихъ въ то время никого не было, то и доказательства онаго представить не можетъ, какъ только собственной его, Смирнова, совѣсти, который не можетъ на сіе сдѣлать отрицательства, имѣя въ виду свое къ нему, Гавро, отношеніе отъ 13-го іюля».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ген.-маіоръ Гавро утверждалъ, что судно съ ружьями ушло съ рейда не въ 10 часовъ утра 11-го іюля, а въ

2 часа дня, хотя обстоятельство это и не имѣло особаго значенія при донесеніи лейтенанта Карпова, что предписаніе задерживать суда получено имъ только въ 10 час. вечера 11-го іюля, ботъ же № 5-й ушелъ въ 10 ч. утра того же дня.

И такъ, оба обвиняемые остались на занятыхъ ими въ оправданіе себя позиціяхъ, и дважды дополнявшееся слѣдствіе не обнаружило ничего существеннаго, чтобы могло бы склонить вѣсы правосудія къ оправданію одного и къ обвиненію другого.

Имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе: «...если окажется доведеніе генераль-маіора Гавро объ отправленіи упомянутаго съ оружіемъ судна изъ Роченсальмскаго порта, по приказанію контръ-адмирала Смирнова, послѣ объявленнаго ему приказанія отъ графа Аракчеева, чтобы оно тамъ остановитъ, — справедливымъ, то принестию тѣмъ казнѣ потерю изыскать изъ жалованья контръ-адмирала Смирнова», — генераль-аудиторіату ничего болѣе не осталось, какъ путемъ казуистическихъ соображеній выйти на этотъ предуказанный Высочайшею волею путь.

Съ одной стороны онъ признавалъ, что «не долженъ былъ винить Смирнова особенно отнестись», ибо изъ дѣла не видно, чтобы приказаніе графа Аракчеева дѣйствительно было объявлено ему генераломъ Гавро, да послѣдній и не далъ отвѣта: «въ какомъ мѣстѣ объявилъ онъ приказаніе Смирнову» и во всякомъ случаѣ «порученное ему не съ такою точностью выполнилъ, какъ бы слѣдовало, ибо объ объявленномъ имъ приказаніи Смирнову долженъ былъ поступить сообщить и письменно»; съ другой стороны — Смирновъ, «будучи портовымъ начальникомъ не только не могъ не знать, но и долженъ былъ о всемъ малѣйшемъ, относящемся до его обязанности, вѣдать и не позволять безъ особливаго приказанія никакимъ судамъ, или проходящимъ транспортамъ, не имѣющимъ достаточнаго прикрытія, выходить изъ порта.

Въ этомъ послѣднемъ своемъ соображеніи генераль-аудиторіатъ былъ правъ, разъ слѣдствіемъ было установлено, что о занятіи всѣхъ пихеръ непріятельскимъ флотомъ Смирнову было извѣстно.

Но сему, не оправдывая Гавро, и признавая, что «всѣ упомянутыя неясности не даютъ совершеннаго права точно утверждать, чтобы Смирновъ имѣлъ приказаніе», — генераль-аудиторіатъ все-таки полагалъ «болѣе виновнымъ» Смирнова — «въ упущеніи имъ своей обязанности и небреженіи»...

По докладѣ Императору Александру I этого запутаннаго дѣла, Государь положилъ 2-го мая 1810 года слѣдующую резолюцію:

«Взыскать всю цену казенной потери съ контръ-адмирала Смирнова».

Осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, какимъ путемъ и во сколько оцѣнено было «пріобрѣтенное войною шведское оружіе», имѣвшее, конечно, не только матеріальную цѣнность, но и безцѣнное значеніе военныхъ трофеевъ.

Дл. Апушкинъ.

